

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

удалось, да это и не было возможно у такого человека как Ибн ал-Араби. Ниберг цитирует (стр. 9) слова его: «и подинно, сердце мое принимало всякую форму». Этот пламенный дух черпал отовсюду: мистерии древности, еврейские и христианские предания, все это слилось у него в одно целое с основными положениями Ислама. В нем, как в фокусе, сливаются все те противоречивые течения мысли, которыми жил до тех пор культурный мир, и в этом неизмеримое его значение для истории смены идей не только в Исламе, но и во всем средневековье вообще.

Книга Ниберга состоит из следующих трех арабских текстов: 1) «Перечисление кругов, охватывающих сходство человека с творцом и тварями», 2) «Книга оковы, сдерживающей того, кто собирается уйти» и 3) «Книга божественного водительства в благоустройстве царства человеческого». Все три текста издаются впервые. За небольшим вступлением, содержащим биографические данные, следует изложение философской системы. Оно распадается на несколько отделов, из которых важнейшие: теория познания, учение об атрибутах и божестве, учение о космосе и человеке. Каждый отдел заканчивается главой, где проводится сравнение идей Ибн ал-Араби с идеями других мыслителей Востока и помещается линия их эволюции. Говорить о самой концепции здесь невозможно, ибо выхватить из нее отдельные положения было бы совершенно бессмысленно, а в целом своем она слишком грандиозна, чтобы уместиться в узкие рамки рецензии.

Появление этой книги — величайшая радость для каждого исламоведа. Если вспомнить, что суфийской философией порождена почти вся необъятная поэзия персов и турок, станет понятным, что книга эта явится необходимым пособием не только для всех изучающих философию Ислама, но и для всякого, кто серьезно интересуется поэзией Ирана. Востоковедение долго ждало появления подобной книги, она явилась и, отрадный факт, за ней идут другие работы в этом же направлении, полные того же научного беспристрастия и горячего энтузиазма: работы Massignon. Путь проложен, будем надеяться, что скоро и философия суфизма перестанет быть terra incognita и войдет в обиход научного мышления, как это уже произошло с философскими системами брахманизма и буддизма.

Е. Бертельс

— *Heinrich Schaefer. Die Religion und Kunst von el amarna. Berlin 1923. Mit einer Uebersetzung des Sonnengesanges von Kurt Sethe, einem Deckelbilde, 3 Textabbildungen und 7 Tafeln. Verlag Julius Bard.*

Написанная в тяжелые послевоенные и послереволюционные годы, в годы эконо-

мического развала Германии, книга Шефера в полной мере отражает быстроту, поверхностность и несистематичность научной работы современных ученых, работающих урывками, в пятиминутные перерывы ежедневной сутолоки. В распоряжении Шефера был богатый литературный, пиктографический и монументальный материал, главным образом из египетского собрания старого Берлинского Музея, но автор в далеко недостаточной степени его систематизировал и обработал. Поэтому книга производит впечатление на слух составленной маленькой популярной монографии, богато насыщенной мыслями, с несколькими рисунками и таблицами, но без критического аппарата и даже без оглавления. Работу можно было бы по содержанию разделить на предисловие и следующие четыре части:

- 1) Корни Эхнатоновской реформы.
- 2) Эхнатон и его реформа.
- 3) Новая религия и новое искусство.
- 4) После-Амарнская реакция.

Автор часто перескакивает с одного вопроса на другой, придерживаясь хронологического, но систематического порядка изложения. В предисловии он указывает на свое намерение дать лишь общий очерк эпохи, на самом же деле он распыляется в целом море деталей, доходя даже до этимологических построений. В конце сочинения помещен новый перевод известного гимна к солнцу Эхнатона, сделанный Куртом Сете, большим знатоком древне-египетского языка и письма. Перевод этого гимна был известен раньше (см. напр., Брестед «История Египта» том II стр. 52—56); немного тяжеловесный и слишком точный, он не прибавляет нового к прежним достижениям науки в этой области.

Методологические взгляды и вся сумма настроений автора, так же как и способ его работы, в полной мере отражают дух современности, так ярко запечатленный Шпенглером в его книге. Не так давно сданные в архив, опять воскресают старые термины «душа эпохи, народа и времени», опять встают старые и слишком новые методы физиономического, интуитивного и дивинационного исторического исследования, пропагандируемые целым рядом историков как на западе, так и у нас. Выдержанная в строго спиритуалистическом духе, работа Шефера ограничивается рамками культурно-исторического исследования, главным образом, в области изучения религии и искусства Амарнской эпохи. Автор отстаивает принципы самобытности религиозного и художественного творчества того времени, допуская лишь некоторое влияние в сфере искусства со стороны Крито-Микенского мира. С особенным вниманием останавливается Шефер на характеристике центральной фигуры того времени, на мечтателе

и фантазере-Эхнатоне, предвосхитившем, по его словам, идеи псалмопевца и евангелиста, подчеркивая этим свою высокую оценку личного индивидуального фактора в мировом историческом процессе.

Корни Эхнатовской реформы Шефер видит главным образом в нарастании нового миросозерцания, нового идейного склада, создавшегося в душе народа самостоятельно. Сводя отдельные моменты к ровным и сплоченным группам, мы можем отметить следующие причины, вернее, корни Эхнатовской реформы:

1. Личная роль Эхнатона.
2. Гелиопольское влияние.
3. Процесс абстрагирования и концентрации культов.
4. Борьба светской власти с жречеством Фив.

Политическая рассчетливость, как одна из причин реформы, категорически отрицается Шефером.

Шефер описывает всю историю правления Эхнатона, постепенность его реформ, ассимиляцию старой культуры с новой, постройку новой столицы, борьбу фараона с традиционарами и целый ряд других более мягких фактов. Переходя к изложению новой религии, Шефер во главу угла реформы ставит два момента:

1) Мыслительный и теологический (Denk-
tätigkeit).

2) Эмоциональный (Gefühlsstärke, schwer-
merische Inbrunst),
сводя их к основным понятиям Света, Жизни, Любви и Истины. Здесь Шефер улавливает идеологическую близость учения Эхнатона к учению о логосе апостола Иоанна, что, впрочем, уже до него было отмечено Бредетом.

В теплоте любви, связи с жизнью и упрощенности Эхнатовской религии заключаются на его взгляд существенные черты новой веры.

В книге Шефера можно отметить некоторые спорные или недостаточно освещенные пункты построения, но они не имеют капитального значения, а лишь являются вводными и эпизодическими моментами, для анализа которых место в специальной работе.

В. И. Абдиев

— *Alexander Scharff*. Goetter Aegyptens. Mit einem Deckelbilde und 32 Tafeln. Verlag Julius Bard. Berlin — 1923.

Маленькая книга Шарфа, посвященная краткому обзору древне-египетской религии, производит приятное впечатление по своей компактности и сжатости, давая одновременно с этим довольно полное перечисление главнейших проблем и моментов египетской религии. Материалом для этой работы служит Шарфу богатое собрание Старого Берлинского Музея; его скульптурами, рельефами, папирусами и тканями автор

пользуется с большим умением, находя всегда интересный и яркий материал для своих суждений. В основе книги лежит перечисление и обзор важнейших египетских божеств, разбитых по территориальным диклам, Гелиополь, Фивы, Мемфис, Гермополь, Фаюм, Дендера, Саис и Бубастис проходят пред взором читателя, окруженные пантеоном звероподобных богов. В конце книги автор кратко, но метко обрисовывает интимное отношение древнего египтянина к своему божеству, касаясь также и догмата о божественном происхождении фараоновской власти.

Только немногие отдельные места работы Шарфа могут не вполне удовлетворить может быть слишком выскательного критика. Так, например, недостаточно ясно проведено различие между животными культурами древнейшего времени и массовой зоолатрией поздней эпохи упадка древне-египетской культуры (стр. 4—5).

Такой же неясностью и недоговоренностью страдает рассуждение Шарфа о тех внешних и внутренних приметах, по которым можно отличить изображение божества от изображения человека или животного. Рекомендуемый им метод индивидуального восприятия «божественного» момента в сакральном изображении следует, конечно, считать явно недостаточным. Здесь нужно обращать внимание на надписи, символы и эмблемы, окружающие фигуру божества, а также и на ту сакрально-ритуальную позу, которая традиционно и неизменно сохраняется с древнейших времен в египетском искусстве. Только оперируя всей суммой этих данных, а не одним лишь неопределенным восприятием (Empfindung), можем мы реконструировать художественно-религиозное изображение каждого данного божества в древнем Египте.

Наконец, можно было бы внести некоторый корректив в представление Шарфа о Бесе, как о безобразном, отпугивающем божестве. Ряд данных заставляет нас признать в нем скорее благотворное божество, не только отражающее магическими чарами от человека его врагов, но и дарующего ему одну из мощных земных радостей (см. Ф. В. Баллод. Введение в историю бородатых карликообразных божеств в Египте. Москва. 1913).

В. И. Абдиев

— *Türkische Geschichten* übersetzt von *Habib Edib*. Weimar G. Kiepenheuer. 1917. 8° pp. 147.

Популярно-научная серия «Deutsche Orientbücherei», возникшая в Германии во время войны, как один из бесчисленных отзвуков культурного сближения между немцами и османцами, заключает в себе материал, охватывающий Турцию с разнообразных сторон и подходов; там представлен